Михаил Агапов, Федор Корандей

Пять одиноко светящихся окон на опустевшем истфаке: модели, практики и ритуалы неформальных интеллектуальных сообществ (на примере Тюменского университета второй половины 1990-х — первой половины 2000-х годов)

Агапов Михаил Геннадьевич — историк (Тюменский государственный университет, 1999 г.), доктор исторических наук (Тюменский государственный университет, 2012 г.), ведущий научный сотрудник Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН (Тюмень), научный сотрудник Лаборатории исторической географии и регионалистики ТюмГУ. Научные интересы: социология повседневности, теория фреймов, структурные контексты повседневных взаимодействий. Email: magapov74@gmail.com.

Agapov Mikhail — historian (Tyumen State University, 1999), D. Sc. in History (Tyumen State University, 2012), Leading researcher of the Institute for the Development of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Department (Tyumen), researcher of the Laboratory for Historical Geography and Regional Studies, Tyumen State University. Research interests: sociology of everyday life, framing theory, structural contexts of the every day communications. Email: magapov74@gmail.com.

Корандей Федор Сергеевич — историк (Тюменский государственный университет, 2002 г.), кандидат исторических наук (Тюменский государственный университет, 2005 г.), старший научный сотрудник Лаборатории исторической географии и регионалистики ТюмГУ. Научные интересы: историческая география, история популярного географического знания. Email: fskorandey@gmail.com.

Korandey Fyodor — historian (Tyumen State University, 2002), PhD in History (Tyumen State University, 2005), senior researcher of the Laboratory for Historical Geography and Regional Studies, Tyumen State University. Research interests: historical geography, history of popular geographical knowledge. Email: fskorandey@gmail.com

Работа выполнена при финансовом содействии РГНФ (проект №14-31-01248). Статья подготовлена в рамках программы исследования антропологии локальных интеллектуальных сообществ.

В статье предпринята попытка ре-концептуализации метафоры университета как сообщества в русле микроинтеракционизма, разработанного американскими социологами И. Гофманом, Р. Коллинзом и др. С этой точки зрения сообщество рассматривается как событие коммуникации. В центре внимания оказывается «общность человеческих коммуникативных операций» (generality of human communicative operations) или «цепочки интерактивных ритуалов» (interaction ritual chains). Понимаемые таким образом сообщества не существуют постоянно, но возникают и исчезают в конкретных обстоятельствах. Они являются ситуативными, нестабильными, степень их солидарности все время разная. Авторы описывают и интерпретируют основные модели неформальных интеллектуальных сообществ на примере исторического факультета Тюменского государственного университета как типичного представителя «разночинских» университетов, открывшихся в СССР в 1970-е годы в быстро растущих республиканских и областных центрах на базе пединститутов. Неформальные интеллектуальные сообщества выделяются на базе нескольких агрегированных признаков: они возникают на основе низовых инициатив, действуют в университетском «третьем месте» (third space), ставят своей целью создание и развитие независимой интеллектуальной среды, иначе говоря, своего собственного «внутреннего университета». Порожденные характерным для провинции кризисом идентичности неформальные интеллектуальные сообщества представляли собой особые коммуникативные зоны интеллектуальных сетей. Рассмотренные ниже кейсы в основном касаются таких интерактивных ритуалов, как лекция и диспут. Именно они, по мнению участников неформальных интеллектуальных сообществ, с одной стороны, наиболее полно воплощали университетский образ жизни, а с другой — сами должны были способствовать его формированию.

Ключевые слова: Ирвинг Гофман, Ренделл Коллинз, интеллектуальные сообщества, интерактивные ритуалы, университет

Mikhail Agapov, Fyodor Korandey

Five Lonely Lighted Windows of an After Hours History Department: Models, Practices and Rituals of Informal Intellectual Communities (case of Tyumen State University, second half of 1990th — first half of 2000th)

The article deals with the attempting to reconceptualisation the metaphor «University as community» into micro-interactionism, that has been developed by American sociologists Erving Goffman, Randall Collins and others. From that point of view, community is considered as an event. Thus, it focuses on what Randall Collins called the «generality of human communicative operations» and «interaction ritual chains». The communities so defined are not always in everyday life, but they are assembled and disassembled under particular conditions. They are unstable, situational, fluid. Description and explanation of the informal intellectual communities on an example of the history department of Tyumen State University as the typical representative of the raznochinetz universities to be had in the Soviet Union in 1970-s in new, rapidly growing

the capitals of the Soviet Republics and regional centers at the base of teacher's training colleges. Informal intellectual communities as a defined communicative locales of intellectual networks were generated by identity crisis inherent in the transition from Periphery to Provinces. The actors of intellectual communications are aimed at creating and development of the free intellectual sphere, or in other words, their own in ward university. Based on this example, we consider such basic interaction rituals as lecture and dispute as an essential elements of intellectual networks.

Key words: Erving Goffman, Randall Collins, intellectual communities, interaction rituals, university

Современный университет осознает себя как сообщество. Чтобы убедиться в этом, достаточно пройтись по вузовским сайтам. Превращение фундаментальной метафоры (т. е. метафоры как формы научного мышления [Ортега-и-Гассет, 2003, с. 217]) в инструментальную (т. е. метафору как средство социального конструирования) — явление нередкое и, возможно, закономерное. Именно так и произошло с университетским сообществом (первоначально ключевой категорией социологических, исторических и политологических рассуждений об университете). Эффект такого рода «институциализации» метафоры — эффект бумеранга: то, с помощью чего исследователь хотел объяснить вещь-в-мире, превращается в то, что он должен объяснить как вещь-в-мире. Из сложившейся ситуации можно выйти двумя путями: либо отказаться от сообщества как метафоры университета в пользу других, более продуктивных метафор, либо ре-концептуализировать ее. Именно вторым путем мы и попытаемся проследовать ниже.

«Говорить о сообществе — значит, говорить метафорически или идеологически», — замечает Дж. Урри [2012, с. 194]. Можно выделить два семантических полюса понятия «сообщества»: полюс эссенциализма и полюс конструктивизма. На равном удалении от обоих полюсов мы столкнемся, выражаясь словами Р. Брубейкера, «с тревожной амальгамой конструктивистского языка и эссенциалистской аргументации» [Брубейкер, 2012, с. 72]. С точки зрения традиции микроинтеракционизма, разрабатывавшейся во второй половине XX в. американскими социологами И. Гофманом, Р. Коллинзом и др., сообщество будет рассматриваться как событие коммуникации. В центре нашего внимания, таким образом, оказывается «общность человеческих коммуникативных операций» (generality of human communicative operations) [Collins, 2000, p. 875] или «цепочки интерактивных ритуалов» (interaction ritual chains) [Collins, 2004].

Каждое событие коммуникации характеризуется определенной структурой коммуникативных обменов, языковым кодом и лока-

лизацией [Вахштайн 2014, с. 24-25]. Прежде всего коммуникации отличаются друг от друга по основанию (предмету) коммуникации. Бизнес-коммуникации выстраиваются по поводу производства, распределения, обмена и потребления благ; политические — по поводу участия во власти или оказания влияния на распределение власти; культурные — по поводу формулирования схем восприятия и оценивания окружающего мира и т. д. У каждого конкретного эпизода коммуникации всегда может быть только одно основание, или магистральная линия (main track) коммуникации. «Если человек вообще действует, он обязательно создает магистральную линию своего поведения (main track), где все открыто внешнему наблюдателю, и одновременно подчиненные, вспомогательные линии, назначение которых состоит в том, чтобы управлять основным действием (и одновременно быть управляемыми), при этом вспомогательные линии не смешиваются с основными» [Гофман, 2003, с. 577].

Это обстоятельство позволяет, с одной стороны, классифицировать коммуникации аналитически, а с другой — выявлять их практически, посредством наблюдения, включая те многочисленные случаи, когда коммуникацию одного вида пытаются представить коммуникацией другого вида. Хороший пример, подтверждающий этот тезис, можно отыскать в известной лекции М. Вебера «Наука как призвание и профессия». Индивид, писал Вебер, является ученым лишь до тех пор, пока занят «установлением математического или логического положения вещей или внутренней структуры культурного достояния». Как только он сворачивает с этого магистрального пути, например, пытается отвечать на «вопрос о ценности культуры и ее отдельных образований, а, следовательно, и на вопрос о том, *как следует действовать* в рамках культурной общности и политических союзов», он перестает быть ученым, пусть даже в это время он выступает с кафедры перед студентами и даже получает за это зарплату» [Вебер, 2013, с. 530].

Понимаемые таким образом сообщества не существуют постоянно, но возникают и исчезают в конкретных обстоятельствах. Они являются ситуативными, нестабильными, степень их солидарности все время разная. В том случае, когда коммуникации определенного типа воспроизводятся с некоторой регулярностью, срабатывает эффект кинопленки — у наблюдателя возникает иллюзия стабильной и длящейся реальности. Сообщества как события коммуникации всегда множественны: в одно и то же время, но в разных локациях могут производиться типологически одинаковые, но не взаимодействующие друг с другом коммуникативные сообщества.

Очевидно также, что индивиды не прикреплены к сообществу определенного типа. Более того, в ходе взаимодействия лицом-к-лицу магистральная линия коммуникации может меняться. В этот

момент наблюдатель становится свидетелем распада одного сообщества и образования другого. Таким образом, рассматривая мир через призму микроинтеракционизма, мы едва ли можем говорить о сообществе преподавателей, студентов, администраторов и т. п. Эта привычная классификация фиксированных социальных статусов едва ли способна описать текучее содержание реальных коммуникаций.

Следуя этим путем, мы обнаруживаем в здании с вывеской «университет» целый калейдоскоп коммуникативных сообществ, каждое из которых воспроизводит специфическую модель собственного университета. Перефразируя М. Вебера, можно даже сказать, что одни сообщества функционируют за счет университета, а другие — для университета. Нас интересуют вторые. В сообществах такого типа индивид «черпает свое внутреннее равновесие и чувство собственного достоинства из сознания того, что служит делу, и тем самым придает смысл своей жизни» [Вебер, 2013, с. 491] Сообщества для университета — это интеллектуальные сообщества. Отличительными чертами интеллектуальной коммуникации, согласно теории интеллектуальных сетей Р. Коллинза, являются следующие.

Во-первых, в качестве сакрального объекта (sacred objects) коммуникаций такого типа выступает «истина». «„Истина“ является царствующим сакральным объектом для ученого сообщества, как «искусство» для литературно-художественных сообществ; эти объекты являются для них одновременно высшими познавательными и нравственными категориями, средоточием высшей ценности, исходя из которой судят обо всем остальном... интеллектуальная истина имеет все характеристики, установленные Дюркгеймом для сакральных объектов религии: истина трансцендентна по отношению к индивидам, объективна, имеет принудительный характер и требует уважения» [Collins, 2000, p. 19].

Во-вторых, интеллектуальные сообщества «обращены вовнутрь, ориентированы на обмен скорее между собственными участниками, чем с аутсайдерами» [Collins, 2000, p. 24]. Во многом это обусловлено эзотеричностью (в куновском значении этого слова) языка и проблематики интеллектуальных коммуникаций.

В-третьих, «интерактивный ритуал» (interaction ritual) интеллектуальных сообществ включает в себя «ситуации, когда интеллектуалы собираются вместе ради серьезного разговора, причем не направленного на социализацию и не имеющего практического характера» [Ibid, p. 24]. От всех прочих собраний интеллектуальные отличаются «особой природой фокуса внимания и отношением между выступающим и аудиторией» [Ibid, p. 26]. Ключевым элементом интеллектуальных коммуникаций выступает «лекция

или формализованный спор (диспут), т. е. некоторый отрезок времени, в течение которого один человек выступает с речью, представляя развернутую аргументацию по определенной теме». Внимание участников интеракции фокусируется на организованном таким образом «едином потоке рассуждений».

Отношениям между выступающим и аудиторией (в том случае, если речь идет о реальной интеллектуальной коммуникации, а не о ее имитации) присущ состязательный характер. «Фундаментальная характеристика интеллектуальных структур состоит именно в том, что задаются вопросы и ведутся споры; также часто происходят взаимные опровержения в круговой структуре, напоминающей равным образом круг кула, потлач и вендетту. Даже когда интеллектуалы сидят молча, составляя аудиторию лекции или доклада, они осознают свою роль» [Ibid, p. 28].

Рассмотрим сообщества для университета на примере одного их экстраординарного варианта, который мы в первом приближении определяем как неформальное интеллектуальное сообщество. Попробуем описать, чем оно отличается от близких ему явлений. Едва ли можно назвать его «невидимым колледжем» (invisible college) — участники неформального интеллектуального сообщества, как правило, избегают узкой профессиональной специализации, предпочитая заниматься решением конкретных научных проблем в основное рабочее время в стенах своих лабораторий и кафедр.

Вместе с тем в отличие от разнообразных внеучебных университетских объединений неформальные интеллектуальные сообщества последовательно стремятся оставаться в поле интеллектуального производства. Наконец, неформальные интеллектуальные сообщества могут быть выделены и на базе агрегированных признаков: они возникают на основе низовых инициатив, действуют в университетском «третьем месте» (third space), ставят своей целью создание и развитие независимой интеллектуальной среды, иначе говоря, своего собственного «внутреннего университета». Этим они и интересны.

Наше исследование посвящено практикам и ритуалам неформальных интеллектуальных сообществ Института истории и политических наук Тюменского госуниверситета второй половины 1990-х — первой половины 2000-х годов. Данная работа принадлежит к жанру академической автоэтнографии, которая, как заметил С. В. Соколовский, ныне уже неотличима по своим методам как от социологии науки, так и от критики философских оснований мировоззрения этого сообщества [Соколовский, 2010]. Итак, попробуем выяснить, какой именно университет и какими именно способами пытаются произвести неформальные интеллектуальные сообщества.

Предыстория

Исследуя литературу по данному вопросу, мы с интересом прочли трактат 1961 г., в котором обрели замечательную метафору: «Кривая развития вузовской сети в Советском Союзе за 40 лет в графическом наглядном изображении выглядит как кривая температуры лихорадочного больного. Строительство вузов происходило рывками, в виде крутых подъемов и глубоких спусков» [Чугунов, 1961, с. 11]. При всей меткости метафоры ее автор был не совсем прав. Похожие процессы свойственны и для других университетских историй. Если применить к советскому университету британскую модель университетских поколений (Ancient, Red-brick, Plate glass, New Universities), то мы увидим приблизительно следующую картину. Древним университетам, пожалуй, будут соответствовать университеты имперской поры: университеты крупнейших губернских городов, порожденные сетью учебных округов, основанных в самом начале XIX в. Самыми старыми из них были Московский университет (1755) и университеты крайнего запада империи (Дерптский, 1802; Виленский, 1803).

Основанные сразу же за тем Харьковский и Казанский (1804) университеты словно бы содержали в себе rationes seminales дальнейшего дробления учебных округов и распространения университетской сети в имперскую провинцию и на периферию. Первые ректоры Киевского (1834) и Одесского (1865), Томского (1888) и Саратовского (1909) университетов были выпускниками соответственно Харьковского и Казанского университетов. В эпоху кризиса Российской Империи к этой модели преемственности добавляется несколько случаев переноса в глубь России высших учебных заведений с потерянных империей территорий. Варшавский университет, таким образом, дал жизнь Ростовскому (1915), Дерптский — Воронежскому (1915), Варшавский политехнический институт — Нижегородскому университету (1918).

С началом советского периода на смену ведомственной географии империи пришла новая география власти, привязанная к республиканскому делению. Та эпоха, которая породила советский аналог краснокирпичных университетов, начиналась временем революционного энтузиазма. Избавившись от имперской бюрократии, местные интеллигенты при активной поддержке своих бывших однокашников, сидевших теперь в кабинетах власти, учредили в крупнейших центрах бывшей империи целый ряд университетов (Пермский, 1917; Днепропетровский, Таврический, Самарский, Восточно-Сибирский, 1918; Уральский, Дальневосточный 1920), некоторые из которых (напри-

мер, Таврический, Уральский и Дальневосточный) после того, как процессы централизации снова начали набирать силу, были расформированы.

В число таких же университетов, отвечавших давним чаяниям местной интеллигенции, входили и первые университеты, основанные в будущих республиканских центрах (Тбилисский, Туркестанский, 1918; Ереванский, Бакинский, Латвийский, 1919; Белорусский, 1921; Литовский, 1922). Советское государство продолжало этот список, отражавший уже отнюдь не местные инициативы, но географию властных притязаний новой империи, с большими перерывами до конца 1950-х годов (Узбекский, 1933; Казахский; Карело-Финский, 1940; Ужгородский, 1945; Кишиневский, 1946; Таджикский, 1947; Туркменский, 1950; Киргизский, 1951; Якутский, 1956; Башкирский, Мордовский, Кабардино-Балкарский, Дагестанский, 1957).

Большинство из этих университетов учреждалось на основе существовавших ранее в городе институтов профессионального педагогического образования позднеимперской и раннесоветской эпохи. Эта же схема оказалась определяющей для следующего периода истории советских университетов. Значительное число университетов, открывавшихся в СССР в поздних 1960-х годах и особенно в 1970-х, оказалось реорганизованными пединститутами, которые были основаны в эпоху первой и второй пятилеток (1929-1937 гг.). Эти советские университеты с зеркальными стеклами были университетами быстро растущих республиканских и областных центров с населением, которое в начале 1970-х годов на момент пика этой волны вузовского строительства составляло около 300-400 тыс. человек.

Этот стремительный рост порождал среди городского населения кризис идентичности, сыгравший в свое время важную роль в становлении неформальных интеллектуальных сообществ, о которых пойдет речь ниже. С теоретико-географической точки зрения, суть этого кризиса описывается переходом от периферии к провинции в том понимании, которое вкладывает в эти термины В. Л. Каганский [2001, с. 81-85]. Под периферией этот автор понимает фрагментированную пустынную территорию, население которой сконцентрировано в изолированных очагах, не поддерживающих связей между собой и ориентированных лишь на взаимодействие с центром.

Одним из критериев различения периферии и провинции в этой теоретической схеме является наличие развитой символической системы. Провинция, по Каганскому, культурно самодостаточна, обладает интересом к себе и волей к самоописанию, периферия этой воли лишена, она «пространство недостаточной емкости и слож-

ности, частично освоенное и молодое, лишенное самоописания», всецело зависящее от центра [Там же, с. 83].

Именно в таком контексте (табл. 1) возник и развивался наш герой — Тюменский государственный университет, на примере одного из факультетов которого мы попытаемся описать этот кризис и стратегии его преодоления, практиковавшиеся неформальными интеллектуальными сообществами.

Таблица 1
Советские университеты, учрежденные в первой половине 1970-х годов

Название	Год открытия	Население города в 1970 г.	Население города в 1973 г.
Калининский государственный университет (ранее Калининский педагогический институт, основан в 1917 г.)	1970	345 112	377 000
Удмуртский государственный университет (ранее Удмуртский педагогический институт, основан в 1931 г.)	1970	422 409	473 000
Марийский государственный университет	1972	166 073	188 000
Сыктывкарский государственный университет	1972	125 088	142 000
Симферопольский государственный университет (ранее Крымский педагогический институт, основан в 1925 г.)	1972	249 000	280 000
Карагандинский государственный университет (ранее Карагандинский педагогический институт, основан в 1938 г.)	1972	523 000	559000 данные на 1974 г.)
Чечено-Ингушский университет (ранее Чечено-Ингушский педагогический институт, основан в 1938 г.)	1972	341 259	363 000

Название	Год открытия	Население города в 1970 г.	Население города в 1973 г.
Алтайский государственный университет	1973	439 134	471 000
Ивановский государственный университет (ранее Ивановский педагогический институт, основан в 1918, реорг. в 1932 г.)	1973	419 639	442 000
Кемеровский государственный университет (ранее Кемеровский учительский институт, основан в 1949 г.)	1973	384 989	415 000
Тюменский государственный университет (ранее Тюменский педагогический институт, основан в 1930)	1973	299 000	330 000
Омский государственный университет	1974	821 151	905 000

В отличие от некоторых других университетов периферии первый тюменский вуз не мог опереться ни на академические традиции (до революции в Тюмени не было даже полного гимназического образования), ни на массированную помощь Минвуза СССР. До конца 1960-х годов город Тюмень и регион в целом оставались глухим углом, лишенным значимых в масштабах страны производств [Панарин, 2001, с. 128]. Родоначальником современного Института истории и политических наук был созданный в 1945 г. в Тюменском государственном пединституте (ТГПИ) исторический факультет. Кафедра истории занималась исключительно преподавательской деятельностью. Внедрение академических практик осуществлялось постепенно, главным образом благодаря привлечению к работе на факультете «варягов» из столичных и крупных региональных (Воронеж, Омск, Саратов, Свердловск, Томск, Ярославль) вузов.

В нашем распоряжении имеется крайне мало свидетельств о том, какова была повседневность истфака пединститута в десятилетия, предшествовавшие преобразованию ТГПИ в университет. Довольно информативными в этом смысле являются письма М. Л. Левина, одного из «варягов», московского физика-теоретика, в силу печальных обстоятельств оказавшегося преподавателем на физическом факультете ТГПИ в 1951-1954 гг. Блестящие описания повседневной вузовской рутины постоянно появляются в его письмах Н. М. Леонтович. Нужно отметить, что многие

из этих писем, собственно, и появились благодаря этой рутине — Левин писал их украдкой в процессе постоянных собраний и совещаний.

В письмах Левина атмосфера и содержание церемониальных собраний института жестоко критикуются именно с точки зрения интеллектуала как такового: речь здесь, вне сомнения, идет об упомянутых Р. Коллинзом подобиях интеллектуального интерактивного ритуала, публичных рутинных событиях, которые предполагают имитацию церемониальных событий академической среды, но по сути таковыми не являются, поскольку не имеют самостоятельной цели развертывания мировоззрения, требующей от аудитории активного понимания [Collins, 2000, p. 26].

> «...Вообще же науками в Тюмени никто не занимается. В институте засилье методики, приходится бывать на всяких методических совещаниях, где, впрочем, иногда обсуждаются актуальные вопросы. Например, вчера: что делать учителю, если ученики кидают в него кусками штукатурки? Подумай сама» *(письмо Н. М. Леонтович от 25 февраля 1952 г.)*.
> «...Устаю же я не от лекций и не от работы, а от бестолковых и бесконечных собраний и заседаний. На одном из них мне пришлось выступать. Я сообщил аудитории, что уравнения классической и квантовой электродинамики инвариантны относительно лоренцевых преобразований и, следовательно, выражают собой объективный закон природы. Это конкретное сообщение, продолжавшееся 3 минуты, потрясло аудиторию (они поняли, что я сказал!), и поэтому я удостоился быть упомянутым в списке выступавших (они-то, сердешные, говорили минут по двадцать, точнее говоря, не говорили, а читали по тетрадкам) в областной прессе! О чем и сообщаю тебе с чеховской гордостью» *(письмо Н. М. Леонтович от 15 марта 1953 г.)* [Левин, 1998].

Описанные Левиным на примере тюменских физиков парадоксы имитации научного дискурса имели прямое отношение и к историческому факультету. Как следует из воспоминаний студентов тех лет, формат семинаров был школярским: студентов «вызывали отвечать» [Дубовская, 2013]. Отмечается, что «практические занятия нередко сводились к чтению студентами плохо подготовленных рефератов» [Бакулина, 2005, с. 12]. Похоже, первые поколения студентов истфака еще не владели в достаточной степени навыками формулировки собственной позиции, ведения дискуссии. Так, первый студенческий научный кружок, возникший в 1946 г., действовал меньше года: из 56 человек первоначального состава в нем осталось только четверо [Там же, с. 15].

Первые серьезные дискуссии среди историков ТГПИ фиксируются только после XX съезда КПСС, когда в центре внимания оказываются коллизии советской истории 1930-х годов. «Осторожные, но нарастающие споры по этим вопросам вспыхивали на заседаниях кафедры истории, в студенческой «курилке»» [Там же, с. 21]. Хотя такие формы церемониальных собраний, как диспуты, беседы, круглые столы,

начиная с 1960-х годов широко применялись во внеучебной работе со студентами истфака ТГПИ, в мероприятиях факультетского комитета ВЛКСМ [Бакулина, 2005, с. 43, 44], в ходе семинарских занятий они использовались крайне редко и далеко не всегда успешно.

С началом нефтегазового освоения Западной Сибири Тюмень очень быстро превратилась из «столицы деревень» в региональную «столицу городских профессионалов» [Бакштановский, 2006, с. 422]. 1 января 1973 г. на базе ТГПИ был открыт Тюменский государственный университет (ТюмГУ). Хотя главной функцией ТюмГУ по-прежнему оставалась подготовка учителей для школ области, развитие научных проектов, нацеленных на изучение естественной и социальной истории Тюменского края, его культуры и современных проблем, делало университет местом сборки нового регионального сообщества. Как всякому «разночинскому» вузу, выросшему из захолустного пединститута, ТюмГУ был свойствен дух (само) критичности и культуртрегерства.

«Мы задерживались в аудитории и о чем-то болтали там»: как возникает неформальное интеллектуальное сообщество

Первые неформальные (не инициированные сверху) интеллектуальные сообщества возникли на истфаке ТюмГУ во второй половине 1990-х годов, в то время, когда вошли в зрелый возраст профессора, принадлежавшие к первому поколению студентов основанного 20 лет назад вуза. Сообщества эти зарождались из стихийных бесед. После занятия студенты подходили к преподавателю с вопросами. Чаще всего они получали короткие ответы-консультации, но иногда завязывался разговор. Студентка 1995-2000 гг. Катя П. вспоминает, как возникло одно из первых неформальных дискуссионных обществ («историческое общество»), организатором которого стал преподаватель Б.

> *Катя П.:* «Мы [Катя П. и ее подруга Жанна Л.] задерживались после лекций или после семинаров Б., общались, разговаривали много. Если не было следующей пары, мы задерживались в аудитории и о чем-то болтали там, разговаривали, ну, т. е. проявляли какой-то интерес... Это был второй курс. Б., конечно, больше говорил, потому что он был старше и умнее, ну, а мы, наглые, молодые тоже что-то там говорили. Это просто было прикольно. Есть ведь разные студенты, есть такие студенты, которые точно там [знают, что] их конкретно интересует обучение, перспектива в жизни, карьера и все такое. У нас тоже с учебой все было нормально, но мы были такие немножко с придурью, нам было интересно тусоваться, что-то узнавать».

Сходным образом почти десятилетие спустя сложилось и общество любителей военной истории Ars militaris.

> *Дмитрий Б., организатор общества любителей военной истории Ars militaris:* «Я тогда только защитился, начал преподавать. Мы как-то просто на семинаре [разговорились], иногда ведь отходишь от темы, в общем выясняется, кто чем увлекается из ребят. Оказалось, Р. увлекается Второй мировой войной. Мы с ним потом периодически встречались так в коридоре, болтали. Однажды Р. мне говорит: Вот на курсе младше есть еще один чувак, он тоже хорошо разбирается в танках. Ну, мы тогда и подумали с Р., может, нам попытаться создать свое общество. Было ощущение какой-то внутренней потребности, встретиться, поговорить... Поумничать, может быть».

Студенческое философское общество возникло без участия преподавателей. Его учредители студенты-второкурсники. Историк А. и юрист Д. познакомились на олимпиаде по философии. В результате нескольких спонтанных бесед на темы религиозной философии родилась мысль провести полноценное обсуждение и тут же — создать свое общество.

В основе этого стремления лежала неудовлетворенность существующим положением вещей. Все организаторы неформальных интеллектуальных сообществ отмечали большее или меньшее разочарование университетской средой практически сразу после начала занятий и знакомства с однокурсниками. На всем протяжении учебы, а потом и работы в университете их раздражала та фальсификация университетом самого себя, которую Х. Ортега-и-Гассет [2010, с. 91] назвал «принципом лицемерия» современного университета. Стремление восполнить дефицит интеллектуального общения (ощущавшийся в том числе, а может быть, и в первую очередь на лекционных и семинарских занятиях) было главным побудительным мотивом для организаторов и участников неформальных интеллектуальных сообществ. Все они с большей или меньшей ясностью понимали, что основной формой интеллектуальной жизни является диспут, равно как и то, что воспроизвести его в рамках текущего учебного процесса едва ли возможно.

> *Катя П.:* «Лекции всегда были пассивные. Если лектор и пытался вызвать диалог, аудитория на это не шла. Все молчали как партизаны. А семинары, да, если преподаватель хотел устроить диалог, то лично мы с Ж. (подруга К.) всегда были готовы поддержать, нам всегда было интересно поспорить. Были разные преподаватели. Понятно, если пришел N, то никакой дискуссии с ним быть не может. Он пришел, рассказал, спросил, оценки поставил, ушел. А если были какие-то молодые преподаватели, да и то не все, конечно... В основном были преподаватели типа N, он был страшной занудой... В целом они зануды были, преподаватели. Были, кто читал интересно, но при этом сторонился какого-то прямого контакта со студентами, читал все как надо, но при этом невидимая стена между ним и остальным миром».

Ориентированные на прояснение научных истин дружеские дискуссии происходили в самых разных университетских закутках — от курилок до столовых, и очень часто для таких дискуссий

было свойственно стремление повысить их статус, формализовать контекст взаимодействия посредством введения определенных рамок.

«Мы хотели быть похожими на ...»: выбор формата коммуникации

Выбор образца формата дискуссии зависел от личных предпочтений участников сообщества. В одном случае это могли быть известные организаторам по литературе и мировоззренчески близкие им собрания российской интеллигенции XIX-XX вв. Так, например, создатели Студенческого философского общества подражали Санкт-Петербургскому религиозно-философскому обществу.

> *Михаил А., организатор Студенческого философского общества:* «Образцом, по крайней мере для меня, были религиозно-философские собрания начала XX века — те самые, которые устраивали Мережковский и Гиппиус. Я тогда много читал из русской религиозной философии, мне импонировал дух Серебряного века. И однажды я прочитал в книжке Александра Меня подробное описание этих собраний. Мне захотелось такого же. Мы и устраивали все по тому образцу: небольшой круг участников, в основном друзей и знакомых. Один большой доклад и потом его обсуждение».

В начале 2000-х годов новым примером для подражания стали публичные лектории.

> *Федор К., организатор Свободного университета им. Хомякова:* «У меня была, скажем, модель, которую я хотел воспроизвести. То есть я узнал, что там, в столицах, люди собираются и даже читают лекции. Люди, более или менее разбирающиеся в чем-то, могут прочитать тем, кто интересуется гуманитарными науками, лекцию. То есть я знал, что там люди чуть ли не в клубах это делают и там, значит, бывает аудитория. Мне хотелось такого же, ну, это, скажем, один из аспектов. Это же молодежные дела. Для молодежи же это важно... То есть, например, у поколения Немирова (М. М. Немиров — поэт, обучавшийся в начале 1980-х годов на филфаке ТюмГУ) была тема с рок-н-рольной модой и всем прочим. Они хотели быть похожими на них. А мы хотели быть похожими на других, ну, у нас, может быть, образцы для подражания были не такие яркие. Хайеров не было, но тем не менее» ...

В других случаях за образец принимались научные семинары столичных вузов.

> *Анатолий С., организатор Общества «Ъ»:* «Я был на конференции в Петербурге, в Европейском университете. Меня вдохновила атмосфера, которая там была. Мне, возможно, в силу небогатства своего опыта по-

казалось, что она разительно отличалась от того, что я видел на других конференциях, например, в Тюмени, в Тобольске, и в Москве, кстати, тоже. Такая была структура конференции, что после ряда докладов, объединенных какой-то темой, выступал комментатор, так сказать, обобщал опыт этих докладов, то есть по сути каждый докладчик получал свою долю внимания. И в ходе этого всего обсуждение действительно было таким продуктивным, полезным. Оно было организовано достаточно хорошо, и было в принципе достаточно времени, чтобы обсудить, если даже не после доклада сразу, то в кулуарах, то есть там были паузы между секциями, очень плодотворно все прошло. Родилась тогда идея, что нужно, когда вернусь в Тюмень, создать подобное общество».

Следует подчеркнуть, что по мере обретения собственного опыта академической мобильности молодые сотрудники университета убеждались, что граница между подлинной наукой и ее имитацией проходит не по географическим рубежам (обратим внимание на замечание С.: «...она разительно отличалась от того, что я видел на других конференциях, например, в Тюмени, в Тобольске, и в Москве, кстати, тоже»). Участники неформальных интеллектуальных сообществ стремились стать частью экстерриториальной «республики ученых», иначе говоря, участниками «непрерывного обсуждения серьезных вопросов, не носящего практического значения» [Collins, 2004, p. 63].

Игорь М., участник Студенческого философского общества: «Главное — чтобы была живая дискуссия, цель была вот эта. Было интересно об этом размышлять, интересно об этом думать, интересно понимать, любопытство такое вот. И вот этот интерес, эта тяга — она заслоняла все остальное... Цель была как бы внутри нас самих, произвести самим, создать вот эту вот парадигму, некий образ, которому мы должны соответствовать. Если аналогии приводить, то это были сократовские дискуссии — нечто среднее между обсуждением темы и диалогом сократовским... У меня по крайней мере от этого оставались такие воспоминания» ...

Таблица 2

Неформальные интеллектуальные сообщества истфака ТюмГУ в 1995-2013 гг.

1995-2000	Студенческое философское общество
1998-2000	Историческое общество
2004-2007	Свободный метафизический университет им. Хомякова («хомяки»)
2005-2015	Museum medievalium
2006-2008	Общество любителей военной истории Ars militaris
2008-2012	Либертарный киноклуб
2010-2011	Политическое дискуссионное общество «ДискКлуб»
2011-2013	Дискуссионно-просветительское общество «Ъ»

Появившиеся на истфаке (табл. 2) во второй половине 1990-х годов неформальные интеллектуальные сообщества получили дальнейшее развитие в двух коммуникационных форматах (фреймах): круглого стола и мини-лектория. Принципиальные различия между ними следующие: в сообществах круглого стола акцент делался на диспуте, в сообществах-лекториях — на докладе. При этом каждое сообщество стремилось к отысканию тех «верных картин» (valid pictures), возможность существования которых является, по И. Гофману, базовым допущением любой научной коммуникации [Goffman, 1981, p. 195]. На наш взгляд, именно риторика поиска таких «верных картин» представляет собой наиболее характерную черту внутреннего полилога рассматриваемых университетских сообществ.

1. Сообщества круглого стола

В 1996 г. преподаватель Б., в недавнем прошлом комсомольский вожак истфака и организатор общественно-политических дискуссий, инициировал проведение на факультете студенческих круглых столов, не попадавших в преподавательские отчеты в качестве хоть какой-либо учебной или внеучебной работы. После окончания учебных занятий участники диспута собирались в любой свободной аудитории, парты составлялись в круг. Модератором диспута выступал сам Б. Дискуссии были ориентированы на максимальное вовлечение в процесс всех присутствующих посредством создания «цепочки интерактивных ритуалов» (interaction ritual chains).

> *Катя П.:* «Мы сидели за столом и что-то там обсуждали. Там были люди с разных курсов, т. е. это был такой свободный формат — кто хотел, тот и приходил... Б. там модерировал, задавал какую-то тему, все высказывались, потом спорили. Б. толкал какую-то вводную речь. Не доклад, основные тезисы. Потом задавал вопросы, предлагал каждому высказаться, по кругу. Потом подводился итог, каждый по кругу тоже должен был свое итоговое мнение высказать».

В начале 2000-х годов на истфаке стали проходить регулярные диспуты, получившие известность как Свободный метафизический университет им. Хомякова или «хомяки». Сразу заметим, что никакого отношения к известному русскому философу «хомяки» не имели. А. И. Хомяков, как поясняли организаторы, был литературным героем, одним из персонажей вымышленного романа о поисках истины, составленного в духе классической русской литературы. Хотя Свободный метафизический университет им. Хомякова замышлялся как лекторий, первое собрание которого состоялось в строгом лекционном формате, однако вскоре, с подачи тех, кто не-

которое время назад принимал активное участие в круглых столах вышеупомянутого Б., структура собраний Свободного университета претерпела радикальные изменения.

Все последующие встречи «хомяков» состояли из двух частей: чтение доклада и его обсуждение в режиме круглого стола. В первой части собрания выделялись три ролевые позиции: модератор, докладчик, слушатели. Модератор кратко представлял тему собрания и передавал слово докладчику. Чаще всего докладчик выступал в качестве эксперта по заявленной теме, сам доклад занимал не более 1/3 времени собрания. Сразу после выступления докладчик отвечал на уточняющие вопросы слушателей, затем объявлялся перерыв. Если первая часть собрания проходила в формате обычной аудитории (парты расположены рядами, между слушателями и докладчиком выстроена дистанция, сам докладчик выступает с кафедры), то сеттинг второй части собрания был совершенно иным. Во время перерыва парты составлялись в круг.

Перестройка пространства собрания была связана и со сменой ролевых позиций его участников: все они становились дискутантами (включая и докладчика, специально оговаривалось, что во время обсуждения он не обладает никакими особыми правами и участвует в нем наравне с остальными). Пожалуй, самая сложная роль доставалась модератору, который поддерживал порядок обсуждения (предоставлял слово, следил за временным регламентом и т. п.) и при этом сам вступал в дискуссию, следуя общим правилам.

Например, желающие высказаться поднимали руку; модератор объявлял, в какой последовательности им будет предоставлено слово (либо в порядке поднятия руки, либо, если руки взметнулись одновременно, по часовой стрелке); затем поднимал руку сам и таким образом занимал место в очереди дискутантов. Перед началом дискуссии модератор кратко резюмировал доклад и предлагал вопросы для обсуждения, которые тут же записывались на доске. Слушатели вносили свои предложения по кругу обсуждаемых вопросов, затем начиналась дискуссия. В конце собрания модератор предлагал каждому участнику высказаться по кругу, т. е. в порядке положения за круглым столом. Своеобразным эпилогом собрания «хомяков» был выбор темы для следующего обсуждения.

> *Дарья М., участница Свободного университета им. Хомякова:* «Знала, что ребята на истфаке собираются и рассказывают друг другу лекции на всякие, не то чтобы научные, но интересные темы, в которых они вроде бы не эксперты, но в которых они заинтересованы. Да на любую тему практически. Социальные, скорее. Дискуссии, обсуждения. То есть не просто такие студенческие дурацкие посидел-

ки, а некий интеллектуальный клуб без особого ценза по отношению к участникам. Я думаю, что наверняка те, кто все это устраивал, ставил перед собой цель какую-нибудь, типа создать какое-то культурное сообщество, интеллектуальный клуб, развить интеллектуальную жизнь на факультете и так далее. То есть университет должен быть рассадником интеллектуальной культуры и там должны происходить какие-то обсуждения чего-то. Такое вот состояние духа университета надо поддерживать. Но по факту, я думаю, еще немалой целью было просто получить удовольствие от общения с какими-то по интеллектуальному уровню коллегами, друзьями, по обсуждению каких-то прикольных тем просто не у себя дома, а в более широком кругу. Удовольствие мы все явно получали, ну, и некое интеллектуальное сообщество определенно образовалось. У меня было ощущение, что ты приходишь туда и тут внезапно, вдруг неглупо и интересно».

Октябрь, 2005 г. Свободный метафизический университет им. Хомякова

Афиши мероприятий Свободного метафизического университета им. Хомякова

«Хомяковский» формат дискуссии за круглым столом затем обрел новую жизнь в Либертарном киноклубе, работавшем на ист-

факе с 2008 г. По существу единственным отличием Либертарного киноклуба от «Хомяковского» университета было то, что доклад здесь заменялся просмотром фильма. Однако главным событием, тем, ради чего люди собирались вместе, был, безусловно, не фильм, но его обсуждение.

> *Андрей К., организатор Либертарного киноклуба:* «На мой взгляд, Либертарный киноклуб был более или менее адекватным продолжением «хомяков». Он был более политизированным, там не было лекций, был просмотр фильмов, но это была примерно такая очень похожая тусовка, а главное — тоже ставилась цель сохранения интеллектуального пространства, хоть и в более таком политизированном ключе, что опять же, на мой взгляд, соответствовало цайтгайсту. В городе не было ни одного киноклуба на тот момент, который ставил бы себе цель анализировать проблемы современного общества. Где кино было бы такой лишь затравкой к последующему обсуждению, средством привлечения людей, вовлечения их в разговор. То есть в других киноклубах кино это была самоцель, вот, значит, мы такие киноманы, мы смотрим кино, чтобы насладиться замыслом режиссера. А здесь мы смотрим кино, потому что вокруг куча людей, которых сложно привлечь вот просто словами: давай поговорим о капитализме. Никто не пойдет. А вот посмотреть какое-нибудь прикольное кино, а потом еще пообсуждать его — это всегда пожалуйста. При этом все-таки сохраняя такой, я бы сказал, ну околоакадемический взгляд на вещи, ну всегда, мне кажется, мы старались не пересечь черту откровенной пропаганды какого-то взгляда, а сохранить такой вот научный, несколько отстраненный взгляд. В дискуссиях все-таки модераторы старались более или менее сохранять такую некоторую здоровую академичность».

Регламент дискуссии в Либертарном киноклубе был разработан детально. Он опирался на популярную у либертарианцев книгу Питера Гелдерлооса «Консенсус: принятие решений в свободном обществе».

> *Андрей К., организатор Либертарного киноклуба:* «Киноклуб, помимо всего прочего, — это была попытка вообще научить людей, причем так научить не уча, научить непосредственно с собственного примера и опыта, научить людей техникам ведения дискуссий и техникам принятия решений в больших группах, техникам, может, даже не принятия решения, а обсуждениям, которые должны предшествовать принятию решения».

Не во всех случаях ведущим собраний удавалось структурировать дискуссию. Нередко ситуация выходило из-под контроля. Чаще всего так происходило, когда изначально утверждался в качестве нормы спонтанный характер общения.

Николай С., организатор Дискклуба: «Регламента как такового не было. Основной смысл был в том, что читается доклад, а потом совершенно без каких-либо ограничений задаются вопросы и начинается обсуждение. В последующем мы уже выработали некий относительный регламент… Парты мы обычно убирали и садились просто в круг стульями, либо мы могли даже не менять расположения, просто все разворачивались и просто не обращали внимания на парты, получался некий круг, но такой захламленный… Я чаще всего выступал в качестве ведущего, но, скажем так, не очень часто это получалось, потому что обычно спонтанность, непродуманность всей этой структуры, всех этих вопросов, которые обсуждались, приводила к тому, что начинался какой-нибудь спор. И этот спор продолжался до конца и даже потом его отголоски какие-то были. И ведущий чаще всего просто не мог никого успокоить».

2. Сообщества мини-лектория

В современном среднестатистическом российском университете диспут представлен лишь в ритуализированных, выхолощенных формах. Основным видом коммуникации, репрезентирующим саму идею университета, сейчас является лекция. Именно этот формат использовался в качестве основного в сообществах мини-лектория. При этом лекция организовывалась как открытое внеучебное мероприятие. Ситуации экстраординарной публичной лекции посвятил в свое время специальную работу И. Гофман [Goffman, 1981]. Определяющими характеристиками данной формы публичной речи, по Гофману, являются возможность ритуального доступа аудитории к теме, в которой разбирается говорящий, и особая значимость, торжественность события, в процессе которого происходит сообщение аудитории некоторого текста. При этом, утверждал Гофман, на определенном уровне для нас не имеет значения, что за текст передает лектор в ситуации такой лекции — сама эта ситуация служит более высокой цели, передавая при посредничестве обладающего соответствующей репутацией лектора осмысленный образ мира.

В фрейме мини-лектория действовали два сообщества: клуб любителей военной истории Ars Militaris и Museum medievalium, объединяющий исследователей западноевропейского Средневековья. Участники обоих сообществ проводили свои собрания в строго академическом формате, мало отличавшемся от стандартной лекции или камерной секции научной конференции. Хотя организаторы обоих сообществ старались на время заседания устранить разницу в статусах между преподавателем и студентом (не «препод и его студенты», а люди, «увлекающиеся одним и тем же делом»), другая

дистанция — дистанция между слушателями и лектором/докладчиком всегда выдерживалась очень строго. Причина этого заключалась не только в том, что организаторы, модераторы и лекторы/докладчики были преподавателями, а слушатели — их студентами. Те же обстоятельства не помешали упоминавшемуся выше преподавателю Б. организовывать свободные диспуты во второй половине 1990-х годов.

В данном случае определяющим фактором был выбор порядка коммуникации. Предпочтение отдавалось стандартным академическим формам, результативность которых, по замыслу организаторов, должна была превышать обычный уровень благодаря высокоинтенсивному режиму вовлеченности всех акторов коммуникации — участие в собраниях Ars Militaris и Museum medievalium действительно было добровольным.

> *Дмитрий Б., организатор общества любителей военной истории Ars militaris:* «Я не замышлял, вот как-то само из предыдущего опыта всплыло. Да, наверное, действительно всплыл какой-то опыт участия в конференциях. Ребята говорили, что, не знаю, минус это или плюс был, но это было формализовано. У нас это было строго формализовано... Собрания проходили раз в месяц, мы за месяц обговаривали тематику, ребята готовились. Мы придерживались троичной модели: три доклада по близкой или даже одной тематике и потом вопросы докладчикам и обсуждение»...

В формате мини-лектория действовало и сугубо студенческое дискуссионно-просветительское общество «Ъ»; за исключением нескольких эпизодов преподаватели не участвовали в его собраниях.

> *Анатолий С., организатор Общества «Ъ»:* «Обычно читался доклад, после него вопросы, и вот в некоторых случаях проводилась попытка организовать какое-то обсуждение. Я выступал в роли ведущего, пытался как-то разбить, проанализировать выступление, разбить его на какие-то тематические группы и каким-то образом обсудить это выступление с собравшейся публикой. Всего один раз получилось нечто подобное, когда мы засиделись с обсуждением докладов о мифах Второй Мировой войны, и мы даже сделали дополнительное заседание, чтобы оставшиеся вопросы обсудить. Я выделил часть вопросов и предложил их к обсуждению. То есть мы поочередно переходили от одного пункта к другому. Это единственный раз был... Обсуждения иногда потом продолжались в более неформальной обстановке, когда мы выходили из аудитории, поскольку она была занята на определенное время и после особо интересных докладов иногда мы собирались или в университете, или иногда в близлежащем парке и продолжали обсуждение уже там, по группам, по интересам».

Октябрь 2012 г. Дискуссионно-просветительское общество «Ъ», слушатели
Источник: http://vk.com/photo-26357106_290973295

Октябрь 2012 г. Дискуссионно-просветительское общество «Ъ», докладчик
Источник: http://vk.com/photo-26357106_290914316

Далеко не все участники неформальных интеллектуальных сообществ стремились выступить в дебатах, многие были заинтересованы в том, чтобы «только послушать» авторитетного в их глазах лектора/докладчика. Последний, выражаясь языком И. Гофмана, выполнял в этом случае функцию «стража когнитивного порядка», символизирующего «общественную поддержку истины и справедливости». Действительно академическая кафедра «ставит своего обладателя в особое отношение к реальности. Он воспринимается как представитель реальности. Будучи обманутым или обманывая сам, он наносит ущерб не только собственной репутации — страдает «репутация» самой реальности» [Гофман, 2003, с. 574]. Простое слушание публичных выступлений такого рода само делало слушателя частью «недвижимого мира (unkinetic world), предположительно поддерживаемого на лекциях» [Goffman, 1981, p. 162]. Дискуссии как «взаимные опровержения в круговой структуре» в данном случае оказываются неуместными. Максимум — благожелательные вопросы на уточнение.

Заключение

Представление об упорядоченной непрерывности развития российских университетов, безусловно, представляет собой политическое искажение истинной истории [Дмитриев, 2013]. История университета, а в особенности университета советского и постсоветского — постоянный конфликт множества традиций самоописания, часто прерывающихся и иногда возобновляющихся снова в целях «обретения самоидентичности, рекламы, пропаганды образования,

мифологизации университета, извлечения политических и финансовых льгот» [Там же, с. 62]. Так, официальный логотип Тюменского государственного университета указывает в качестве даты основания учреждения не 1973-й, но 1930 г. Проблемой, отчасти проистекающей из недоверия к подобным нарративам, является скепсис по поводу четвертого поколения российских университетов (российские New Universities?), разделявшийся, пожалуй, всеми нашими информантами.

Автор, тиснувший в ноябре 1973 г. заметку об открытии в Тюмени университета, восклицал почти пророчески.

> — Неужели в Тюмени открылся университет? — спрашивали меня знакомые, узнав, куда я еду.
>
> — А почему, собственно, неужели? — удивлялся я в ответ, потому что спрашивали-то новосибирцы, жители города, университет которого не насчитывает и двух десятков лет от роду. А им кажется, наверное, что существует он тут вечно. Впрочем, к хорошему всегда привыкаешь быстро и порой действительно забываешь, что появилось-то оно недавно. Может быть, лет через 10-15 жители Тюмени тоже будут спрашивать: «Неужели в Нижневартовском или, допустим, в Тобольске, Салехарде открылся университет?» [Лушин, 1973, с. 24].

Спустя двадцать с небольшим лет этот прогноз полностью оправдался. После волны 1970-х годов, завершившейся открытием Волгоградского университета (1980), новые университеты не открывались в СССР десять лет. Затем начался бум, «новый подъем температуры», свидетелями которого были все участники вышеописанных неформальных интеллектуальных сообществ. Согласно «Белой книге российского образования», только за 1989-1999 гг. [Белая книга, 2000, с. 57] число государственных образовательных учреждений выросло на 14%. В 1991 г., в самом конце советской эпохи, в Тюмени был всего один университет, в 2015 г., когда пишутся эти строки, в одном только городе их пять: собственно ТюмГУ и бывшие специализированные институты — Индустриальный (университет с 1994 г.), Строительный (с 2005 г.), Сельскохозяйственный (2012) и Медицинский (2015). Крупнейшие города области также имеют университеты: Сургут (1993), Ханты-Мансийск (2001), Нижневартовск (2005). В центрах поменьше упомянутые выше Тобольск или Салехард, университеты-метрополии развернули сеть филиалов.

Темные стороны этого неоднозначного бума новых университетов были очевидны для большинства профессиональных вузовских работников, в том числе и для молодых основателей неформальных интеллектуальных сообществ. Можно заметить, однако, что у него были и светлые стороны. Наблюдение — в том числе, порой, по-

неволе включенное — за процессами, происходившими в новых северных университетах, побуждало многих наших коллег внимательнее присматриваться к практикам, ритуалам и атмосфере собственного университета. На протяжении всего рассмотренного нами периода (вторая половина 1990-х — первая половина 2000-х годов) в Тюменском государственном университете, по крайней мере на одном его факультете, постоянно предпринимались попытки создать иную, более совершенную университетскую среду. Молодые люди, собиравшиеся после окончания ординарных лекций в одной из аудиторий, искали, порой наивно и романтически, модели эффективного интеллектуального взаимодействия. Рассмотренные выше кейсы в основном касаются проблемы свободной дискуссии. Именно она, по мнению участников неформальных интеллектуальных сообществ, с одной стороны, наиболее полно воплощала университетский образ жизни, а с другой — сама должна была способствовать его формированию.

Что было потом? Один из наших информантов метко назвал десятилетие истфаковских интеллектуальных сообществ эпохой предынтернетья. Наши наблюдения за неформальными интеллектуальными коммуникациями нынешнего исторического факультета свидетельствуют о том, что они существенно трансформировались. Вероятно, на эту трансформацию оказала влияние медиа-революция второй половины 2000-х годов, социальные сети, блоги, появление специфических «третьих мест» за пределами университета, которых не существовало десятилетием ранее. Процессы этой трансформации было бы целесообразно описать в специальной статье.

Источники

Дубовская Елена (2013) Учитель Рощевский и его ученики. *Тюменская правда*, 16 мая.

Левин М. Л. (1998) *Жизнь, воспоминания, творчество*, Н. Новгород: ИПФ РАН.

Лушин Ю. (1973) Первый шаг в будущее. *Огонек*, 45: 22-24.

Библиография

Бакулина Т. И. (2005) *Факультет истории и политических наук: главы жизни*, Тюмень: Мандр и К.

Бакштановский В. (2006) *Город-шанс // Тюмень: старт века,* Тюмень: Тюменский дом печати.

Белая книга российского образования (2000). Ч. 1, М.: Изд-во МЭСИ.

Брубейкер Р. (2012) *Этничность без групп,* М.: ИД ВШЭ.

Вахштайн В. (2011) Производство сообществ: событие, язык, коммуникация. *60-я параллель*, 2: 72-81.

Вебер М. (2013) *Избранное: Протестантская этика и дух капитализма*, М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.

Гофман И. (2003) *Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта*, М.: Институт социологии РАН.

Дмитриев А. (2013) Переизобретение советского университета. *Логос*, 1 (91): 41-64.

Каганский В. Л. (2001) *Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство*, М.: Новое литературное обозрение.

Ортега-и-Гассет Х. (2003) *Две главные метафоры // Бесхребетная Испания*, СПб: АСТ, Ермак: 217-237.

Ортега-и-Гассет Х. (2010) *Миссия университета*, М.: ИД ВШЭ.

Панарин С. М. (2001) *Тюмень: утрата геополитической перспективы. Глобализация, федерализм и региональное образование. Сборник тезисов всероссийской конференции,* Тюмень: ТюмГУ: 125-132.

Соколовский С. В. (2010) *Автоэтнография и антропологические исследования науки. Антропология академической жизни.* Т. 2, М.: 24-42.

Урри Дж. (2012) *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия*. М.: ИД ВШЭ.

Хейзинга Й. (1992) *Homo ludens. В тени завтрашнего дня*. М.: Прогресс.

Чугунов Т. К. (1961) *Высшее образование в СССР*, Мюнхен: Изд. ЦОПЭ.

Blackshaw T. (2010) *Key concepts in community studies*, London: SAGE Publications LTD.

Collins R. (2000) *The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*, Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press.

Collins R. (2004) *Interaction Ritual Chains,* Princeton & Oxford: Princeton University Press.

Goffman E. (1981) *Forms of Talk.* Philadelphia: University of Pennsilvania Press: 160-196.

References

Bakshtanovskij V. (2006) *Gorod-shans* [City of chance] *// Tjumen': start veka.* Tjumen': Tjumenskij dom pechati.

Bakulina T.I. (2005) *Fakul'tet istorii i politicheskih nauk: glavy zhizni* [Faculty of History and Political Sciences: chapter of its life] Tjumen': Mandri K.

Belaja kniga rossijskogo obrazovanija [The White book of the Russian Education] (2000). Ch.1. M.: Izdatel'stvo MJeSI.

Blackshaw T. (2010) *Key concepts in community studies*, London: SAGE Publications LTD.

Brubaker R. (2012) *Jetnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups] M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki.

Chugunov T.K. (1961) *Vysshee obrazovanie v SSSR* [The system of higher education in the USSR] Mjunhen: Izdatel'stvo COPJe.

Collins R. (2004*) Interaction Ritual Chains*. Princeton & Oxford: Princeton University Press.

Collins R. (2000) *The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press.

Dmitriev A. (2013) Pereizobretenie sovetskogo universiteta [Reinventing the Soviet University], *Logos*,1 (91): 41–64.

Dubovskaja Elena (2013) Uchitel' Roshhevskij i ego ucheniki [Professor Roshhevskij and his students], *Tjumenskaja pravda*. 16 maja.

Goffman E. (1981) *Forms of Talk.* Philadelphia: University of Pennsilvania Press: 160–196.

Goffman E. (2003) *Analiz frejmov. Jesse ob organizacii povsednevnogo opyta* [Frame analysis: An essay on the organization of experience], M.: Institut sociologii RAN.

Huizinga J. (1992) *Homo ludens. V teni zavtrashnego dnja* [Homo ludens. In the Shadow of Tomorrow]. M.: Progress.

Kagansky V.L. (2001) *Kul'turnyj landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [Cultural landscape and Soviet habitable space], M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001.

Levin M.L. (1998) *Zhizn', vospominanija, tvorchestvo* [Life, memories, creativity]. N.Novgorod: IPF RAN.

Lushin Ju. (1973) Pervyj shag v budushhee [The first step into the future]. *Ogonek*. № 45. Nojabr': 22–24.

Ortega y Gasset J. (2003) *Dve glavnye metafory* [The **Two** Great **Metaphors**] *// Beshrebetnaja Ispanija*. SPb.: AST, Ermak: 217–237.

Ortega y Gasset J. (2010) *Missija universiteta* [Mission of the University]. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki.

Panarin S.M. (2001) *Tjumen': utrata geopoliticheskoj perspektivy* [Tyumen: the loss of the geopolitical visions]. *Globalizacija, federalizm i regional'noe obrazovanie. Sbornik tezisov vserossijskoj konferencii*. Tjumen': TjumGU: 125–132.Sokolovskij S.V. (2010) *Avtojetnografija i antropologicheskie issledovanija nauki* [Autoethnography and Anthropological Studies of Science] *// Antropologija akademicheskoj zhizni.* M.: 24-42.

Urry J. (2012). *Sociologija za predelami obshhestv: vidy mobil'nosti dlja XXI stoletija* [Sociology beyond societies: Mobilities for the twenty-first century]. M.: Vysshaja shkola jekonomiki.

Vakhshtayn V. (2011) Proizvodstvo soobshhestv: sobytie, jazyk, kommunikacija [The production of communities: event, speech, communication]. 60 parallel, 2: 72–81.

Weber M. (2013) *Izbrannoe: Protestantskaja jetika i duh kapitalizma* [Selected Works: The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. M., SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ.